
А. И. ЛИПКИН

МЕСТО ОКТЯБРЯ 1917 г. В ИСТОРИИ РОССИИ: РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ БУНТ?

Для внешнего мира Октябрь 1917 г. – это Великая Октябрьская социалистическая революция. В контексте внутренней истории Октябрь 1917 г. имеет другие смыслы. Мы различаем в нем три потока, исходя из введенной нами ранее структуры власти и общества, где выделены две подсистемы: базовая, состоящая из правителя и народной массы, и сопутствующая, на основе которой живет высокая культура. Главный из потоков (первый поток) – победивший народный бунт в базовой подсистеме, после которого восстанавливается прежняя самодержавная структура с другим наполнением, устанавливаемым в ходе Гражданской войны (второй поток). В этом и состоит суть Октября 1917 г. в контексте внутренней истории XVIII–XX вв. Параллельно этому происходит либеральный всплеск в сопутствующей подсистеме (третий поток), представленный Февральской революцией.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Февральская революция, бунт, народная масса, высокая культура, самодержавная система, реформы – контрреформы.

Внешний мир воспринимает Октябрь 1917 г. как образец победившей социалистической революции, вошедшей в историю под наименованием «Великая Октябрьская социалистическая революция» (ВОСР). Эта революция имела последователей в аграрных странах (Китай, Вьетнам, Латинская Америка) и значительную пролетарскую поддержку в Европе. Страхи правящих кругов Запада перед ростом левых настроений стимулировали построение в Европе социальных государств всеобщего благосостояния. Революционные события в России, безусловно, имели всемирно-историческое значение в XX в. И для большевиков, и для их оппонентов на Западе, и для сочувствующих левым социальным слоям Запада и Востока Советская Россия была страной, где доминировали идеи социальной справедливости, отождествляемые с победившим

социализмом. В контексте внутренней истории все видится принципиально по-другому.

Контекст внутренней истории России XVIII–XX вв. Базовая подсистема

Этот контекст у различных авторов может выглядеть по-разному. В нашем случае в его качестве выступает структура власти и общества, описанная в (Липкин 2012а). Здесь утверждается, что, в отличие от западных стран с их «договорными» институтами, Россия, как и Китай и многие неевропейские (незападные) государства, характеризуются «приказными» (вертикальными), самодержавными институтами, в которых правами обладает только одна (верхняя) сторона. Эти последние описываются *структурой, имеющей две подсистемы*: 1) базовую, состоящую из правителя и народной массы, и 2) сопутствующую, состоящую из того же правителя и основной части образованного слоя (помощников и посредников [см. рис.]).

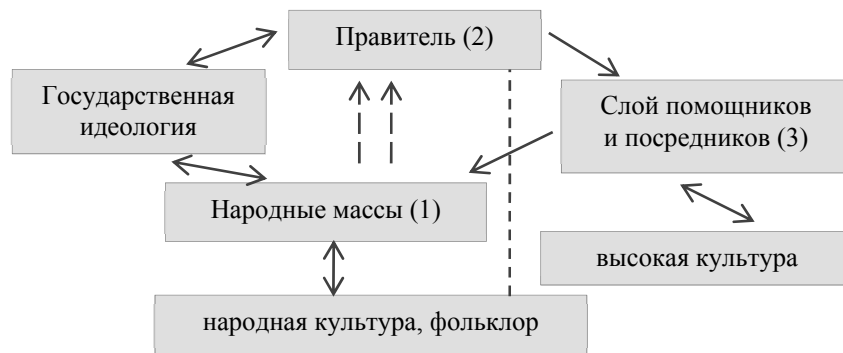

Рис. Модель «приказного» типа государства

В слое культуры в первой подсистеме культивируется государственная идеология (и народная культура), а во второй – высокая культура, которая производится в (и для) образованной части общества. Народные массы характеризуются тем, что, в отличие от народа-нации, передают (делегируют) правителю право (и ответственность!) принятия внешних макрорешений и разрешения воз-

никающих внутри страны споров¹. Это, собственно, и создает функциональную позицию правителя, поэтому именно делегирование служит опорой данной структуры, то есть «приказная» (самодержавная) система формируется не «сверху» – со стороны правителя, а «снизу» – со стороны народных масс. И пока такое отношение масс и правителя доминирует, структура будет воспроизводиться.

К помощникам и посредникам мы относим, во-первых, служащих – составляющее скелет государственной машины чиновничество, «офицеров-начальников» (в армии и производственно-торговой сфере), представителей сферы образования, медицины, науки и культуры, сюда же входят и творцы высокой культуры, которая культивируется в этой подсистеме. Вообще говоря, образование, включая высшее, особенно когда оно становится массовым, не является непреодолимой преградой для вхождения в народную массу, возможна принадлежность индивида одновременно к двум подсистемам.

Один из важнейших процессов в базовой подсистеме, носящий циклический характер, определяется происходящими время от времени «победными бунтами» народных масс, ибо у масс нет других эффективных форм воздействия на правителя (форма прошений и жалоб является недостаточно эффективной). Поэтому, когда в массах накапливается недовольство, оно выливается в бунт, который иногда бывает успешным, то есть приводит к смене правящего слоя. При этом ненависть масс направлена в первую очередь на начальство из служащих, но может распространиться и на личность правителя. В случае победы бунт сметает вторую подсистему, но затем *воссоздается та же структура* (но с другими людьми и, возможно, другой высокой культурой). Именно восстановление старой структуры отличает бунт («бессмысленный и беспощадный»)² от

¹ Здесь уместно вспомнить сказку про двух жадных медвежат, делящих головку сыра при посредстве лисы, которая при этом съедает основную часть сыра, а также выраженное Н. Некрасовым отношение: «Вот приедет барин, барин нас рассудит».

² Этими же качествами обладают народные массы (например, крестьянские) любых стран, в том числе европейских, что хорошо видно на примере Жакерии во Франции. Но в Европе они были оттеснены на периферию и до середины XIX в. не оказывали серьезного влияния на формирование главных государственных институтов.

революции, которая подразумевает изменение структуры. То, что в результате бунта и в Китае, и в России (очень интересна в этом отношении «История Пугачевского бунта» А. С. Пушкина), и в других подобных системах эта структура воссоздается, является веским аргументом в пользу нашей гипотезы, согласно которой основой данной системы является *народная масса*. Именно она *создает место правителя* (кто его займет – дело случая и внутривнутриполитической борьбы), *а не наоборот*³. При этом народный бунт следует отличать от дворцового переворота, связанного с двором правителя и приводящего лишь к смене личности правителя.

По-видимому, формирование «приказной» системы с исторической точки зрения проще, чем формирование «договорной». Такие системы возникают уже в древности. Почвой для них является необходимость мобилизации большого ресурса, например, для поддержания сложной оросительной системы, длинного сухопутного торгового пути или войн с сильными соседями (случай России⁴).

Россия (со времен Московской Руси), как и Китай, принадлежит к «приказному» типу государств по организации власти (при этом несущественно, откуда была заимствована эта система – из Орды или Византии, поскольку обе принадлежали к «приказному» типу). «В русских городах не возник бюргерский городской патрициат. Этим обстоятельством и княжеским характером города на Руси обусловлено то, что здесь не сложились ни специфическое “городское” право, ни собственно городские вольности. Вольности Новгорода и Пскова были правами не городов, а земель и боярства. По этим же причинам русские города фактически не знали и гильдейско-цеховой организации» (Юрганов 1998: 236). То же можно сказать и о вассально-сеньориальных отношениях: «Русь не знала боярских замков; частоколы боярских усадеб защищали от воровства и разбоя, а не от неприятеля. Бояре обороняли не свои села,

³ Массы создают «площадки» для начальников, а не подчиненных, они не определяют, что на этих «площадках» будет выстроено. В этом смысле правитель и сопутствующая подсистема зависят от массы (без нее не будет этой «площадки»), но, конечно, не подчиняются ей.

⁴ Р. М. Нуреев, ссылаясь на А. Гольца (2001: рис. 2), указывает, что в первой половине XVIII в. военные расходы в России, как правило, превышали 60 % государственных расходов, в XIX в. последовательно снижались с 50 % до 20 %, резко возрастали в периоды мировых войн XX в., держались около 40 % в послевоенный период и снижались в 1990-е гг.

а все княжество в целом, съезжаясь в княжеский град» (Юрганов 1998: 236). То есть Россия не имела «договорных» институтов, аналогичных западному городскому самоуправлению и вассалитету⁵.

В качестве *идеологии* здесь первоначально выступало православие, которое в XIX в. модифицировалось в отвечающую базовой подсистеме идеологию *народничества* на базе триады «православие – самодержавие – народность». Различные варианты народничества отвечают разным акцентам в этой триаде. *Консерваторы*, и в их числе министр образования граф С. С. Уваров, которому приписывается авторство формулы этой триады (на самом деле она, по-видимому, является наследницей «державной» военной формулы петровских времен «За Бога, Царя и Отечество»), на первое место ставили самодержавие. Противостоящие консерваторам *революционеры*, к которым относились большевики, меньшевики и эсеры, на первое место ставили народность в лице так называемого «простого народа», заменяя православие социалистической идеологией (большевики – марксизмом-ленинизмом). *Славянофилы* на первое место ставили православие. «Было народничество консервативное и революционное, материалистическое и религиозное, – писал Н. А. Бердяев. – Народниками были славянофилы и Герцен, Достоевский и революционеры 70-х годов. И всегда в основании лежала вера в народ как хранителя правды... Основной русской темой будет не творчество совершенной культуры, а творчество лучшей жизни» (Бердяев 1990: 131). Поэтому в рамках народничества развивался не столько идеал личности, сколько идеал «народа»⁶ в виде «идеализации или допетровской России, или Запада, или грядущей революции» (Там же). Для всех этих течений характерно представление о народе как о «них» (а не о «нас», как во

⁵ Эту мысль в свое время четко сформулировал Ричард Пайпс: «Хроническое российское беззаконие, особенно в отношениях между стоящими у власти и их подчиненными, проистекает в немалой степени из отсутствия какой-либо договорной традиции, вроде той, что была заложена в Западной Европе вассалитетом... Отсутствие в России феодальных институтов западноевропейского типа в значительной мере обусловило отклонение политического развития этой страны от столбовой дороги, которой шла Западная Европа» (Пайпс 1993: 75–76).

⁶ Большая часть образованного слоя XIX–XX вв. исповедовала различные варианты идеологии народничества, согласно которой народ – это «они»: крестьяне, пролетариат, которым должна служить интеллигенция (то, как реальная народная масса относилась к этим народникам, продемонстрировало неудавшееся «хождение в народ» в 1870-х гг.).

Франции). Все эти варианты народничества, включая, как показал опыт, и революционное, не противоречили «приказному» типу Российского государства, содержащемуся во втором члене триады.

Специфика России, короткие циклы в сопутствующей подсистеме

Специфика России среди государств, принадлежащих к «приказному» типу, связана с тем, что она, раньше других столкнувшись с быстро развивающейся Европой Нового времени, вступила на путь вынужденной военно-технической модернизации «сверху», притом необходимые для этого система образования и связанная с ней высокая культура для сопутствующей подсистемы были вместе с технологиями импортированы из Западной Европы. В результате в России благодаря Петру I и Екатерине II в качестве высокой культуры стал развиваться европейский вариант, «антиприказной» в своей основе культуры. Это привело к противоречию между государственными «приказными» институтами и высокой культурой, к «кентавровости» России (которой нет в Китае, где конфуцианская высокая культура хорошо согласуется с «приказными» институтами). Данный конфликт привел к формированию коротких циклов российской истории, происходящих между катаклизмами «победных бунтов» (задающих длинные циклы). Носителями этих свободолобивых настроений были последовательно офицеры 1812 г. в начале XIX в., студенты и профессора университетов во второй половине XIX – начале XX в., научно-техническая интеллигенция, вовлеченная в атомный и ракетный проекты во второй половине XX в.

Короткие циклы, как нам представляется, обусловлены процессами внутри сопутствующей подсистемы и взаимодействием с Западом. Они состоят из следующих четырех тактов:

«поражение от Запада»⁷ → → (1) либеральные «реформы сверху» под лозунгом «Россия – это Европа», сопровождающиеся вынужденной (для правителя) либерализацией («либерализацией

⁷ «Первым шагом, как правило, является осознание технологической отсталости» (Пастухов 2010). Это было пафосом реформ Петра I, продолжательницей дела которого являлась Екатерина II.

сверху») → → (2) некоторый успех в «догонянии»⁸ и соответствующая победа, сопровождающаяся озабоченностью правителя по поводу возросшей в ходе «либерализации сверху» свободы → → (3) антилиберальные контрреформы под лозунгом «Россия – это не Европа» («авторитарный откат», по Н. С. Розову) со стороны правителя⁹ при поддержке народных масс и консервативной части служащих → → (4) подгнивание и отставание (стагнация) и очередное «поражение от Запада»¹⁰.

Данная последовательность воспроизводится достаточно строго. Напомню, что эти циклы идут внутри периодов между «победными бунтами»¹¹. Так, порожденная екатерининско-александровской фазой «либерализации сверху» плеяда блестящих офицеров с особым отношением к чести, прославивших себя и Россию в Отечественной войне 1812 г., была воспитана на европейской литературе.

«Вообще, трудно назвать время, когда книга играла бы такую роль, как в конце XVIII – начале XIX в., – пишет Ю. М. Лотман. – Ворвавшись в жизнь ребенка в 1780-х гг., книга стала к началу следующего столетия обязательным спутником детства... прежде всего, романы: ведь дети читали то, что читали женщины. Женская библиотека, женский книжный шкаф формировали круг чтения и вкус ребенка, в который входили рыцарские романы, “Дон Ки-

⁸ Догоняющие системы устроены по-другому, нежели догоняемые европейские. Здесь новое не столько рождается, сколько заимствуется, а главным субъектом является государство. При этом что-то заимствуется по существу, а что-то – лишь по внешнему виду: так, скажем, есть реальные промышленность, технологии, рабочие, инженеры, управленцы, но квазисобственники, квазирынки и т. д.

⁹ «Борьба с освободительными стремлениями общества, – писал В. И. Вернадский, – характеризует всю деятельность правительства после Петра. Эта борьба была Молохом, которому приносилось в жертву все...» (Вернадский 1988: 70).

¹⁰ По этой логике «догоняния» Запада естественно, что «когда Европа (Запад) быстро и успешно модернизируется, испытывает подъем и расцвет (1850-е, 1900-е, 1950–1960-е, 1980–1990-е гг.), в России... проводятся попытки либеральных реформ», ибо «верховная власть и бюрократия тяжело переживают отставание, особенно в военно-технологической и экономической сферах», а «когда Запад погружен в политические и военные кризисы и/или испытывает серьезный экономический спад (1830–1840-е, 1870–1880-е, 1914–1920, 1929–1949, 1968–1985 гг.), российское государство укрепляется в своем авторитаризме» (Розов 2011: 297), ибо можно отвлечься от необходимости догонять.

¹¹ Колебания «реформы – контрреформы» внутри авторитарного коридора «приказной» системы не надо ассоциировать с «социокультурной инверсией» А. С. Ахиезера (1997), которая, как нам представляется, есть характерная черта бунта народной массы (неважно – российской, китайской или французской, что ярко видно на примерах крестьянских бунтов).

хот”, “Робинзон Крузо”, “Плутарх для детей”... Пережив “первую волну” литературных впечатлений, почувствовав себя средневековым рыцарем, который борется со злодеями, <...> ребенок окунается в мир исторической героики. Самым обаятельным в глазах детей и подростков становится образ римского республиканца... У Никиты Муравьева и его сверстников было особое детство – детство, которое создает людей, уже заранее подготовленных не для карьеры, не для службы, а для подвигов. Людей, которые знают, что самое худшее в жизни – это потерять честь. Совершить недостойный поступок – хуже смерти... Люди живут для того, чтобы их имена записали в историю, а не для того, чтобы выпросить у царя лишнюю сотню душ»¹² (Лотман 1994: 62–64). Очень важное место в формировании этого нового поколения благородных дворян играли женщины (в лице вырастивших их матерей и требующих отвечать высоким идеалам подруг), которые были воспитаны на той же литературе еще раньше: «Тип русской образованной женщины, особенно в столицах, стал складываться уже в 30-х годах XVIII века» (Там же: 88).

Вполне закономерным результатом роста этого вскормленного европейской литературой героического и свободолюбивого «римского духа» стали рождение великой русской литературы и восстание декабристов, за разгромом которого последовали реакционные реформы Николая I, загнивание системы и поражение в Крымской войне (конец цикла). Следствием этого поражения стали многообещающие реформы Александра II. Но параллельно с ними росли революционные левые настроения в студенчестве, породившие первых террористов, жертвой которых и стал царь-реформатор¹³. Далее следуют контрреформы Александра III и поражение в Русско-японской войне 1905 г. (конец следующего цикла). Затем начинается еще один цикл в виде непоследовательных реформ Николая II.

¹² Возможно, самой большой потерей для России при переходе к советскому времени стала потеря этого высокого чувства чести и ответственности, которого сейчас еще меньше, чем при Советском Союзе.

¹³ Во второй половине XIX в. в Европе появляется социалистическое движение, которое захватывает и Россию. В результате в России наряду с либеральной (правой) оппозицией авторитаризму возникает и левая оппозиция.

Место Октября 1917 г. в контексте внутренней истории России

Посредством описанной выше оптики в событиях 1917 г. можно увидеть несколько потоков. Во-первых, поток народного бунта в базовой подсистеме (широкие массы взбунтовались против начальства), сметающий старый режим, во-вторых, либеральный поток протеста против «приказной» монархической системы в сопутствующей подсистеме, подготовивший Февральскую революцию, в-третьих, поток сопротивления претендентов на освободившиеся властные позиции, вылившийся в Гражданскую войну.

Либеральный (второй) поток был связан с ростом городов и интеллигенции¹⁴, разнородной, но объективно оппозиционной царизму в своей массе (в силу своего европейского, по сути, образования). Явная неэффективность власти Николая II, поражения на фронтах Первой мировой войны привели к потере поддержки царской власти со стороны широкого слоя «служащих» и городских слоев. Это вылилось в Февральскую революцию 1917 г., которая была с воодушевлением встречена разнообразными кругами как интеллигенции (включая большую часть офицерства), так и городского населения, воспринявших ее как буржуазно-демократическую.

Поток народного бунта рос на основе недовольства крестьянства. Аграрный кризис, обострившийся в силу ряда причин, и демографические изменения приводили к нехватке пахотной земли в европейской части России, где находилась основная масса населения. При этом увеличивалась доля молодежи в крестьянской массе, что делало последнюю менее стабильной и склонной к радикализации настроений, направленных в первую очередь на захват помещичьей земли. Это ярко проявилось в волнениях 1905 г., сопровождавшихся поджогом дворянских усадеб. В 1917 г. начался бунт солдатско-крестьянской *народной массы* («человека с ружьем»)¹⁵. Роль «запала» сыграли волнения в столице среди масс городских

¹⁴ «За последние два десятилетия XIX в. интеллигенция претерпела коренные изменения. Значительно увеличилось в ней число представителей либеральных профессий: профессоров, преподавателей, служащих земств. Интеллигенция стала «третьей силой» (300 тыс. человек), она начала образовываться в социальную группу, потенциально готовую следовать демократическим призывам» (Верт 1992: 20).

¹⁵ Длительная кровопролитная война с нечеткими целями и частыми поражениями при заметных всем плохих организации и снабжении способствовала падению престижа властей.

обывателей и рабочих, вызванные перебоями в снабжении продуктами, а также среди солдат Петроградского гарнизона, опасавшихся отправки на фронт¹⁶. Этот бунт смел старую структуру властных позиций, отвечающих самодержавной системе, включая самодержца, сделав соответствующие позиции вакантными.

Я утверждаю, что базовый процесс, задающий структуру властных позиций, идет «снизу». Тот, кто сможет занять позицию правителя-самодержца и удержаться на ней, становится объектом почитания для «народной массы». Причем, повторюсь, стабильность самодержавной системы (конфигурации) правления обусловлена не управляющей прослойкой (в советское время – коммунистической партноменклатурой), а народной массой. Это подтверждает история Китая и других крестьянских стран победившего социализма. Везде, где в основе новой властной конфигурации лежит крестьянское восстание (бунт, который надо сравнивать с пугачевским), это восстание ведет не к представительной демократии (для этого нет социальной базы), а к новой версии самодержавной системы. Путь к ней лежит через фазу прямой демократии, которую в России предлагали анархисты, с одной стороны, и Советы – с другой.

Этот процесс сопровождался политической борьбой (схваткой) красных и белых за властные позиции, что составило суть *третьего потока*, вылившегося в Гражданскую войну, которую выиграли красные (многочисленные «зеленые», выступавшие под анархистскими лозунгами, были естественным, но лишь сопутствующим элементом бунта).

Внутри лагеря красных шла своя сложная политическая борьба за лидерство и власть (у белых – тоже, но они проиграли, и потому борьба в их стане оказалась менее значимой): во-первых, за то, кто займет место правителя-самодержца, а во-вторых – за места в управляющей прослойке. Ленин выиграл эту борьбу на первом этапе – этапе Гражданской войны. Народные массы признали в каче-

¹⁶ Эти события получили наименование «Февральская революция» в логике второго потока. В той же логике осуществлялась и их рефлексия, как правило, упускающая то, что эта революция стала возможной лишь на гребне волны первого, массового, крестьянского потока. И именно по этой причине она не привела к желаемым результатам, ибо второй поток был вскоре достигнут и сметен первым.

стве правителей Ленина и большевиков – представителей наиболее радикальной линии революционной интеллигенции. Ленин занял место народно признанного царя. После его ухода в стане большевиков начался второй этап внутривластной борьбы, на котором победил Сталин. При нем окончательно сформировались *советский вариант* самодержавной конфигурации правления с генсеком-самодержцем во главе и формируемой им на основе компартии *управляющей прослойкой*¹⁷ и новая государственная идеология – марксизм-ленинизм.

В рамках предложенного контекста отечественной истории возникает довольно естественное сопоставление Сталина и Петра I как гомологичных (занимающих аналогичное место) фигур, выводящих страну после восстановления самодержавной системы в мировые державы путем жестких (даже жестоких) революционных реформ «сверху».

Но можно ли все сводить к военно-политическому могуществу? По этому параметру сюда попадают Чингисхан, Тамерлан и Гитлер – «бичи Божии», их слава – слава убийц (людей и культур). Петр I в эту компанию явно не попадает (людей он тоже не слишком жалел, но число обычно приписываемых ему жертв при строительстве Санкт-Петербурга, похоже, завышено в десятки раз [см.: Резников 2012: § 4.10]), он начал процесс построения нового «служилого слоя» с новой – европейской – высокой светской индивидуализированной (адресованной индивиду, а не коллективу) культурой, которая через полтора столетия превратилась в одну из ведущих европейских культур. Славянофилы обвиняли Петра в том, что он увел страну с «правильного» пути, основанного на народной культуре и православии, но не в том, что он огнем и мечом искоренил высокую культуру и ее носителей. Сталин же сделал именно это и вернул все слои общества в доиндивидуализированное коллективное состояние, уничтожив миллионы. Здесь напрашивается сопоставление Сталина с Гитлером. Вообще процессы деиндивидуализации и уничтожения высокой культуры в СССР и фашистской

¹⁷ Периодически провозглашавшийся «коллективный характер руководства», как и в свое время Советы, лишь переходная стадия к стабильной самодержавной конфигурации правления. Хотя «коллективный правитель» теоретически тоже возможен.

Германии 1930-х гг. были очень похожи (это ярко продемонстрировала и выставка «Москва – Берлин 1900–1950», прошедшая в середине 1990-х гг. в Пушкинском музее).

В послевоенное время, когда проявились короткие циклы, вновь последовало возрождение высокой индивидуализированной культуры. Атомный и ракетный проекты создали относительно свободомыслящий слой научно-технической интеллигенции, ставшей опорой хрущевской оттепели конца 1950-х – 1960-х гг. Именно представители этих слоев, а также их собратья из других сфер, к которым примыкала значительная часть учителей и врачей, «зачитывались поэтами новой волны, пели под гитару песни Окуджавы, Визбора, Галича, позже – Высоцкого» (Визгин 2002: 472, 424). Они составляли *читательскую аудиторию* миллионных тиражей толстых журналов и серьезных книг, заполняли театры, выставки и концертные залы, внимали лекциям передовых ученых-гуманитариев, то есть были одними из основных потребителей высокой культуры в форме серьезной литературы («самая читающая публика мира»), искусства, кино, театра, гуманитарной мысли (подробнее см.: Липкин 2012б).

В период «оттепели» начались процессы «этической индивидуализации» (Он же 2012а: 41) (свой вклад внес сюда и духовный опыт Великой Отечественной войны). Данные процессы проявлялись многообразно: это и переход от коммуналок к отдельным квартирам, от большой семьи с дедушками и бабушками – к малой семье только из родителей и детей, от жизни двором – к незнанию, кто твой сосед по площадке, от производственной тематики – к лирической теме в искусстве. Хрущевская оттепель – типично возрожденческое явление: к стволу доиндивидуальной советской социалистической цивилизации 1930-х – начала 1950-х гг. делалась интенсивная прививка личностной отечественной классической культуры XIX – начала XX в. Годом прорыва можно назвать 1956-й, знаменательный не только благодаря XX съезду КПСС, где был разоблачен культ личности Сталина. Этот год был отмечен множеством явлений в культуре, означавших конец безраздельного господства соцреализма, на смену которому шла, тесня его, тематика личностная. В этом году произошла реабилитация – издание прозы Ф. М. Достоевского, появление романа В. Дудинцева «Не хлебом

единым», поэзии Е. Евтушенко и др., созданы журналы «Молодая гвардия», «Москва», «Дон». Это был год выхода таких кинофильмов, как «Сорок первый» Г. Чухрая, «Дело Румянцева» И. Хейфица, «Весна на Заречной улице» М. Хуциева и Ф. Миронера, год возобновления «Кремлевских курантов» на сцене МХАТа, год, когда Г. Товстоногов возглавил Ленинградский БДТ, а О. Ефремов уже вел репетиции «Вечно живых» В. Розова и «Матросской тишины» А. Галича в Студии молодых актеров (будущем «Современнике») (см.: Чупринин 1989–1990). Кумирами становились полузапрещенные поэты, писатели, композиторы досталинской «закваски» (А. Ахматова, М. Цветаева, М. Булгаков, А. Платонов, Д. Шостакович и многие другие). Параллельно возрос интерес к зарубежной литературе, поток которой в значительной степени шел через журнал «Иностранная литература» (основан в 1955 г.) (подробнее см.: Липкин 2008).

Впрочем, за хрущевской оттепелью последовали контрреформы Брежнева, «застой» и в итоге проигрыш в холодной войне. Новые попытки реформ Ю. В. Андропова и М. С. Горбачева оказались запоздалыми. Всех смел очередной бунт 1991 г. (именно бунт, поскольку в тех событиях доминировали массовые протестные, против власти КПСС, настроения). Его следствием вновь стал развал во многих сферах и восстановление на новой основе вертикали власти.

* * *

Итак, всемирное значение Октября 1917 г. в XX в. было очень велико, это действительно была Великая революция. *Во внутренней же истории в качестве наиболее фундаментального основания сохранилась «приказная» (самодержавная) система, из которой Россия не вышла до сих пор. И в этом контексте Октябрь 1917 г. – это очередной «победный бунт», а порожденный им очередной цикл российской самодержавной истории завершился лишь в 1991 г. в результате антикоммунистического «победного бунта».*

Литература

Ахиезер, А. С. 1997. *Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России)*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Бердяев, Н. А. 1990. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. В: Чехарин, Б. М. (отв. ред.), *О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья* (с. 43–271). М.: Наука.

Вернадский, В. И. 1988. *Труды по истории науки в России*. М.: Наука.

Верт, Н. 1992. *История советского государства. 1900–1991*. М.: Прогресс-Академия.

Визгин, В. П. 2002. Феномен «культа атома» в СССР (1950–1960-е гг.). *История атомного проекта. Документы, воспоминания и исследования* (с. 413–490). Вып. 2. СПб.: РХГИ.

Липкин, А. И.

2008. О месте шестидесятников и «оттепели» в истории России. *Социокультурный феномен шестидесятых* (с. 155–160). М.: РГГУ.

2012а. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой. *Мир России* 21(4): 40–62.

2012б. *Социокультурные и политические факторы в развитии российского естествознания (XVIII–XX вв.)*. М.: МФТИ.

Лотман, Ю. М. 1994. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*. СПб.: Искусство – СПб.

Нуреев, Р. М. 2001. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность. *Мир России* 10(3): 3–66.

Пайпс, Р. 1993. *Россия при старом режиме*. М.: Независимая газета.

Пастухов, В. 2010. Back in the USSR. *Полит.ру* 24 марта. URL: <http://polit.ru/article/2010/03/24/reformacion/> (дата обращения: 20.10.2017).

Резников, К. Ю. 2012. *Мифы и факты русской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра*. М.: Вече.

Розов, Н. С. 2011. *Коля и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН.

Чупринин, С. И. 1989–1990. *Оттепель. Страницы русской советской литературы*: в 3 т. Т. 3. М.: Московский рабочий.

Юрганов, А. Л. 1998. *Категории русской средневековой культуры*. М.: МИРОС.